

ПОЭТИКА ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Ю. И. СМИРНОВ
(Москва)

ОНЕЖСКАЯ ВЕРСИЯ БЫЛИНЫ «КНЯЗЬ РОМАН И МАРЬЯ ЮРЬЕВНА»

В самом конце 40-х гг. или никак не позже начала 50-х гг. XIX в. учитель А. Верещагин прислал в Петербург несколько старин/былин, записанных им в г. Онеге. Эти записи попали в руки известного языковеда и слависта И. И. Срезневского, который немедленно поспешил опубликовать их в своем обширном издании [Срезневский 1852—1856, 353—382]. Сведения об учителе до сих пор не собраны. О нем опосредованно говорят сами записи старин. Они, скорее всего, записывались «с голоса», во время пения, поскольку почти не содержат сбоев в стиховых размерах. При этом фиксировались признаки местного произношения, и проставлялось ударение в словах. Таким образом, учитель А. Верещагин предстает человеком дотошным и внимательным к мелочам — среди множества любителей, собиравших эпические песни, люди, подобные онежскому учителю, весьма редки. Учителя следовало бы поощрить и побудить к продолжению собирания старин, но этого, по всей вероятности, не случилось. Других старин в записи Верещагина не обнаруживается.

При знакомстве с записями Верещагина, естественно, напрашивается мысль о том, что в г. Онеге тогда былины знал не один человек, а в деревнях близ города и по нижнему течению реки их могли знать даже лучше, чем в городе. Эта мысль, наверное, не была чужда А. Ф. Гильфердингу, который в 1873 г. намеревался собирать эпические песни

в деревнях, цепочками протянувшихся от истока и до устья р. Онеги, однако внезапная смерть собирателя в Каргополе прервала осуществление замысла в самом начале. С того времени ни местных, ни заезжих последователей онежского учителя и петербургского собирателя довольно долго не находилось.

Лишь в 1899 г. начинающий московский собиратель А. Д. Григорьев посетил г. Онегу и несколько деревень близ него. За короткое время пребывания Григорьев, как представляется, не сумел рассеять предубеждения и даже недоверие местных жителей [Григорьев 2002, 49—50], отчего только в одной из деревень ему удалось записать всего три настоящие былины [Там же, 58—66, 68—70, № 2, 3, 5]. Он не пожелал задерживаться в онежских деревнях, а на основе его записей трудно себе представить, какой эпический репертуар еще сохранялся в памяти местных жителей. Можно, пожалуй, не сомневаться в том, что на нижней Онеге, как и в других местах Русского Севера, былины уже заметно выходили из бытования. Тем более требовалось спешить с их собиранием как для познания характера местных традиций, так и для убеждения в самом широком распространении былин на Русском Севере.

В предреволюционное время, насколько известно, еще только один человек обратил внимание — мимолетное, впрочем, — на старины, бытовавшие, по меньшей мере, в одной из деревень на нижней Онеге. Среди остатков архива Общества любителей естествознания, археологии и этнографии (ОЛЕАЭ), хранящихся в Государственном литературном музее (Москва), уцелел белойой список его записи, названный им же «Былина про князя Михайла Романовица и про кнегиню Марью Юрьевну», с добавленным его же

«Примечанием»: «Настоящая былина представляет из себя не более как вариант былины “Князь Роман и его верная жена Марья Юрьевна”, записанная Григорьевым в Мезенском у., в д. Б. Нисогоры (см. “Архангельские былины и исторические песни, собранные Григорьевым”, с. 633, т. III). Мною этот вариант записан в д. Воймозеро Онежского у. со слов Натальи Фатеевны Карповой, старой девицы лет 55. Д. Воймозеро находится среди лесов, верстах в 5 от р. Онеги и в 12 верстах от с. Чекуева, в котором находится волостное правление. В Воймозере насчитывается до 50 домов, есть церковь, но не приходская, население делится на роды, из которых одни ведут свое происхождение от чуди, другие — от новгородцев» [ГЛМ, к. п. 23/196, л. 1—3]¹.

Свою фамилию записавший текст былины не поставил. И никто другой не отметил, кем и когда именно была сделана запись. Судя по ссылке на мезенский том А. Д. Григорьева, вышедший в 1910 г., можно быть уверенным в том, что свое «примечание» записыватель внес уже после 1910 г., но это еще не означает, что и сама запись была сделана им тоже после 1910 г. Чтобы убедиться в определенности времени записи и отыскать имя неизвестного, нужно обратиться к публикациям, сколько-нибудь рисующим фольклорную традицию нижней Онеги после 1910 г. Со временем предпринятые изыскания позволили открыть имя записывателя. Им, несомненно, был И. М. Калинин, член-корреспондент Архангельского общества изучения Русского Севера. Его интересы ограничивались исключительно наблюдениями над народными традициями именно Онежского уезда Архангельской губернии, поэтому можно думать, что он сам был уроженцем или жителем этих мест. Характер написанных им статей, помещенных в местных изданиях, свидетельствует о его принадлежности к числу любителей, едва прикоснувшихся к простейшим из научных требований [Калинин 1910²; 1911³; 1911a; 1911b]. Каким-то образом

Калинин был замечен учеными обеих столиц. В 1913 г. Отделение русского языка и словесности Академии наук даже финансировало его поездку [Калинин 1913]. Именно в 1913 г. Калинин посетил д. Воймозеро, о чем поведал в довольно поверхностной статье [Калинин 1913a]. Переключка «примечания» к былине с этой статьей не оставляет сомнения в том, что записывателем был именно И. М. Калинин.

Он, очевидно, по неведению не описал, при каких обстоятельствах он узнал о том, что одна из жительниц Воймозера помнит былинку. Осталось неизвестным, искал ли он былины сколько-нибудь осознанно, могла ли петь текст эта жительница, знала ли она еще какие-то эпические песни, знал ли эту же былинку еще кто-то из жителей Воймозера. Этого рода необходимые сведения Калинин подменил своим уверением об этническом происхождении жителей Воймозера.

Его беловой список былины написан черными чернилами, достаточно крупными буквами и аккуратно. Очевидно, он предназначался для публикации и, скорее всего, в журнале «Этнографическое обозрение». Однако как раз в 1913 г. умер В. Ф. Миллер, по своему авторитету главная фигура ОЛЕАЭ. В. Ф. Миллер курировал «Этнографическое обозрение» и более других был заинтересован в том, чтобы с мест присылали записи эпических песен, которые затем можно было бы публиковать. После его кончины охотников публиковать эту запись Калинина, по-видимому, не находилось. Чьему-то желанию поместить текст в том же «Этнографическом обозрении», наверное, препятствовало и качество записи. Подобно неподготовленным любителям, Калинин писал текст под диктовку, между тем носительница, подобно всем певцам и сказочникам, не умела диктовать, отчего постоянно сбивалась и часто не сохраняла стиховой размер. Неумением диктовать, вероятно, объясняются и допущенные ею пропуски в тексте, — ей хотелось поскорее избавиться от тяжелой диктовки. Будь Калинин подготовленным, он после записи мог бы уловить, в каких местах воймозерка допустила пропуски, сказал бы ей об этом и добился бы повторной записи, где бы эти

¹ Текст былины см. в Приложении к статье.

² На самом деле речь идет не о песнях, а о частушках.

³ Приведены образцы частушек и игровых песен.

пропуски, по меньшей мере, частично устранялись.

Былину «Князь Роман и Марья Юрьевна» находили в немногих местах. Впервые ее записал в 1856 г. тогда начинающий путешественник и писатель С. В. Максимов на Карельском берегу Белого моря, в Калгалакше, и, может быть, где-то близ нее⁴ [Якушкин 1884, 519—521, 522—523]. Спустя почти полвека, в 1909 г., записи Максимова подтвердил А. В. Марков, нашедший былину в д. Гридино на том же Карельском берегу, к югу от Калгалакши и к северу от Кеми [Былины 1908, № 78; Смирнов 1976, № 8, 9]. Еще почти полвека спустя, с 1956 г. и позднее, в Гридине и в других деревнях Карельского берега ее продолжали записывать петрозаводские собиратели, правда, уже в виде первой ее части или всего лишь начала⁵ [Карельское Поморье 1971, № 188, 189, 201]. Во всех записях Карельского берега просматривается одна версия былины. Ее можно назвать поморской.

Основа поморской версии проглядывается и в тексте А. М. Крюковой, представляющей собой компиляцию этой былины с былиной «Идолище сватает племянницу князя Владимира» и с элементами былин «Царь Солóман» и «Добрыня и Алеша», к тому же осложненным домыслами самой певицы с Зимнего берега Белого моря [Марков 1901, № 18]. Та же поморская версия просвечивается и в тексте Б. В. Шергина, несколько осложненным влиянием былин «Царь Солóман» и «Добрыня и Алеша» и насыщенном личным творчеством сказителя [Озаровская 2000]. Он уверял, что слышал текст в Архангельске, даже называл имена людей, от которых он усваивал текст, однако при этом Шергин скромно умолчал о собственном и значительном вкладе, сильно расширившем повествование. Контрольные записи былины от жителей Зимнего берега и Архангельска, не ведавших о текстах Крюковой и Шергина,

⁴ Записи С. В. Максимова находились в бумагах П. И. Якушкина, известного собирателя 50—60-х гг. XIX в., и после его смерти были опубликованы в качестве приложения к его собственным сочинениям.

⁵ Большая часть записанных петрозаводцами вариантов этой былины еще не публиковалась, тем не менее они здесь учтены по ходу рассмотрения онежской версии былины

отсутствуют, поэтому все элементы повествования этих текстов, не совпадающие или не перекликающиеся с повествованием вариантов Карельского берега уместнее относить к проявлениям творчества этих незаурядных сказителей.

За пределами Русского Севера былину типа «Князь Роман и Марья Юрьевна» находили лишь однажды, в 1871 г. в Полевском Заводе (ныне г. Полевской), на Урале, несколько к юго-западу от Екатеринбурга [Былины 1908, № 79]. Полевская крепость была построена в 1723 г., а на следующий год был основан казенный медеплавильный завод, так что появление там эпической традиции не могло возникнуть ранее этих начальных дат. Впрочем, там текст был распространен, по-видимому, шире, если судить по балладе «Братья-разбойники и сестра», бытовавшей неподалеку от Полевского Завода, в Шатровском районе Курганской области: в балладе вдова названа Марьей Юрьевной, а ее дочь выдана замуж за море за Романушка [Смирнов, Шенталинская 1991, № 240; 449]. Подобно воймозерскому, полевский текст записан любителем, разумеется, со сбоями в стиховом размере и с пропусками в повествовании. В нем не без труда можно опознать местную версию, в эволюционном отношении производную от той, которую Григорьев обнаружил на средней Мезени⁶ [Григорьев 2003, 599—604, № 421].

Калинин не ошибся, вероятно, не без чьей-либо подсказки, отметил близость его записи к записи Григорьева на средней Мезени, где ее бытование, похоже, было ограничено тремя-четырьмя деревнями чуть выше или чуть ниже устья Вашки, левого притока Мезени: по не вполне выясненным сведениям, эти деревни возникли в конце Смутного времени или сразу после него [Новиков 1999, 90 и след.⁷].

В отношении заселения Воймозера даже подобных сведений пока не открыто. Эта деревушка, укрывшаяся между озерами в нескольких километрах от левого берега Онеги, немного ниже Турчасова, с XVI в. хорошо известного посада, могла возникнуть

⁶ Производная местная версия была найдена в 1958 г. [Мезень 1967, № 252].

⁷ Сведения по переписям 1623 г. и последующих лет.

лишь как выселки из одного или нескольких поселений на Онеге. Состав ее жителей непременно менялся в силу разных обстоятельств. До нее было нетрудно добраться и какому-нибудь отряду «панов», под конец Смутного времени действовавших огнем и мечом и на нижней Онеге. Поэтому более вероятно, что на Воймозеро былину занесли уже после Смутного времени, по-видимому, одновременно с ее занесением на среднюю Мезень.

Воймозерский текст былины начинается прозаически, с оборотов «Жил... Была...», и с представления персонажей. Муж героини назван Михаилом Романовичем. Совпадение с именем первого царя из рода Романовых прямо указывает на то, что перенесенным сюда царским именем заменено изначальное имя. В поморской версии мужем Марьи Юрьевны постоянно назывался князь Роман, в ранней мезенской версии он — Роман Васильевич. Совпадение имени в версиях, бытовавших независимо друг от друга и разделенных пространством, свидетельствует о том, что имя князя Романа, несомненно, находилось в тексте, который был разнесен по разным местам Русского Севера и послужил основой для сложения и эволюции местных версий.

Далее в воймозерском тексте Михаил Романович рассказывает Марье Юрьевне свой сон, предвещающий ее похищение (ст. 6—14). Этот эпизод — самая примечательная часть воймозерского текста, резко отличающая его от всех других записей былины. В уральском и в обоих мезенских текстах мотив вещего сна совершенно отсутствует, отчего, если не заниматься гаданием, не следует спешить с какими-либо допущениями. В поморской версии не князь Роман, а Марья Юрьевна рассказывает вещий сон, и он иной: Марье Юрьевне приснилось, что у нее распаялось и рассыпалось «на зёрнытки» кольцо с правой руки (т. е. обручальное), она попыталась собрать кусочки и собрала их все, кроме одного, поэтому, предчувствуя беду, она просит князя не уезжать на охоту. Вещий сон Марьи Юрьевны настойчиво перепевался носителями поморской версии, жившими в разных местах, оттого можно считать, что он изначально входил в повествование этой версии.

Сходный вещий сон с включением мотива рассыпавшегося перстня порой обнаруживается в разных песнях балладного типа, где он призван приводить к толкованиям, предвещающим чью-либо гибель. Так, в песне о девушке, оказавшейся в лодке среди разбойников, героиня рассказывает свой вещий сон и толкует его как предвестие их скорой гибели. В отличие от былины, песня бытовала довольно широко [Смирнов 1988, № 113.2 и след. производные]. Можно думать, что ее знание поспособствовало включению в поморскую версию вещего сна. Такое перенесение возможно, оно тем более вероятно, поскольку в былине вещий сон Марьи Юрьевны не сопровождается ее же прямым толкованием. Только из последующего повествования слушатели могли догадываться, что утрата всего лишь «одного зёрнытка» из перстня должна была предвещать почему-то похищение Марьи Юрьевны. Произошла, как представляется, подмена предвещения гибели неявным предвещанием похищения. Люди, совершившие подмену, не вполне приладили перенесенный вещий сон, на что указывает отсутствие прямого толкования сна. После того как выяснилось, что вещий сон в поморской версии более всего похож на перенесение из некоей песни, допустимо снова обратиться к текстам былины, записанным на средней Мезени и на Урале. Там нет даже и намек на вещий сон героини. Это совпадение, очевидно, нельзя признать следствием забвения столь важного мотива в начале былины. Вещий сон героини в форме, эволюционно зависимой от балладной, изначально, наверное, не содержался в былине.

Иную, явно эпическую форму вещего сна нетрудно увидеть в воймозерской версии былины (ст. 6—14). Там появление похитителей отождествляется с черной тучей — перепевается общеславянское типическое место [Смирнов 1974, 61—63⁸]. Зловещий характер этого описания усиливается тем, что сами похитители иносказательно названы старым орлищем и тремя орленками, а это сразу же побуждает вспомнить старинные славянские верования об

⁸ Образцы славянских описаний нашего времени — тучи.

орле, способном водить градоносную или ливневую тучу и обрушивать ее на разорителей его гнезда. Описание этого вешего сна в воймозерском тексте сложено, следовательно, из давних традиционных элементов, — значит, само оно создавалось достаточно давно. Оно выглядело бы вполне уместным в начале былины, если бы за ним последовали соответствующие части текста, раскрывающие иносказательно названных похитителей и обстоятельства похищения. Но в записи Калинина эти части текста отсутствуют, а о контрольных записях вариантов он наверняка даже не догадывался.

Остается неизвестным также, — по крайней мере, на сегодняшний день, — сколь употребительным было описание этого вешего сна в разных произведениях. Пока что обнаружилось еще лишь одно подобное описание. Оно звучало в начале исторической песни «Взятие Казанского царства», вошедшей в состав сборника, приписываемого Кирше Данилову, «разудалому казаку», «скомороху» и вместе с тем «почти интеллигенту». Для вящей убедительности следует внимательнее вчитаться в начало исторической песни:

*Среди было Казанскова Царства
 Что стояли белокаменны полаты.
 А из спальны белокаменной полаты
 Ото сна тут царица пробуждалася,
 царица Елена,
 5 Семиону-царю она сон розказала:
 — А и ты встань, Семион-царь,
 пробудися!
 Что номчесь мне, царице, мало спалося,
 В сновиденьице много виделося:
 Как от сильнова Московскова Царства
 10 Кабы сильной орлице встрепенулся,
 Кабы грозная туча подымалася,
 Что на наше ведь царство наплывала.
 А из сильнова Московскова Царства
 Подымался великий князь московский,
 15 А Иван сударь Васильевич прозритель,
 Со теми ли пехотными полками,
 Что со старыми славными казаками
 [Кирша Данилов 2000, 247, № 30].*

Сходство уральского и воймозерского описаний очевидно. Дважды или еще чаще такие описания нельзя было придумать ни в XVIII в., ни позже. Уральское и воймозерское описания вешего сна взаимно подтверждают друг

друга. Переключкой описаний, фиксация которых разделена временем и пространством, доказываются давность сложения и традиционность бытования этого рассказа о вешем сне. Уральское и воймозерское описания вешего сна — это вариации одного и того же рассказа, а его повторяемость во времени и в пространстве позволяет в данном случае определить рассказ о вешем сне как типическое место, которое следовало непременно вставлять в текст, когда возникала надобность обосновать предсказуемость грядущего по ходу повествования, драматичного или трагичного события и показать пренебрежение к этой предсказуемости, проявленное кем-то из важных персонажей.

При всей схожести воймозерское и уральское описания вешего сна различаются между собою как версии. В воймозерском описании бегло говорится о грядущем появлении некоего старого орлища с тремя орленками, в уральском описании под «сильным орлищем» разумеется непосредственно царь Иван Васильевич, наступающий с пехотными полками и казаками.

Как и в других формах былины, в воймозерском тексте князь и Марья Юрьевна несомненно принадлежат к «нашему» этническому миру — уже поэтому им всецело предназначены сочувствие или просто расположенность слушателей. В исторической песне царь Семион и царица Елена олицетворяют собою иное, враждебное, царство, отчетливо предсказанное вешим сном царицы нашествие правителя «нашего» этнического мира слушатели в прошлом могли воспринимать с противоположными чувствами: удовлетворенно, как справедливое возмездие, как следствие Божьего промысла и т. п. Противоположными по значению позициями вешего сна в былине и в исторической песне отмечен диапазон возможностей применения этого типического места. Хотя известны пока что всего два случая применения, можно не сомневаться в том, что таких случаев было много больше.

Воймозерский и уральский случаи использования мотива вешего сна различаются между собою и по цели, преследуемой нападающим персонажем. В воймозерском случае нападение совершается с целью похищения женщины,

чужой жены, почему-то желанной для похитителя. В уральском случае нападение — это целая война «нашего» государства с соседним, должна привести к падению чужого царства, при этом происходит, разумеется, не похищение, а пленение, и не одной царицы, а брачной пары правителей, с подчеркиванием пленения в первую очередь царя. В эволюционном плане частная цель, несомненно, старше цели государственной. Тема похищения девушки (женщины) возникла во множестве эпических текстов, естественно, значительно раньше темы падения какого-либо государства. Мотив вещего сна в исторической песне о падении Казанского царства перенесен в нее из некоей песни о похищении девушки (женщины). Он удачно вписан в повествование песни, не выглядит чужеродным, но это не значит, что он создавался специально для этой песни. Сравнение с воймозерским случаем как раз и позволяет с уверенностью утверждать, что мотив вещего сна существовал еще до включения его в историческую песню о взятии Казанского царства. Он уже раньше был по форме традиционным типическим местом, которое в исторической песне, конечно же, подверглось некоторой переделке применительно к случаю.

В полевском и в мезенских текстах былины мотив вещего сна отсутствует — можно, разумеется, предполагать, что он некогда имелся, но подтвердить предположение нечем. В поморской версии вещей сон описан иначе, чем в воймозерской, и притом его видит сама Марья Юрьевна, что подтверждается и близкими песенными вариациями. В исторической версии вещей сон видит царица Елена. Вещуньей, следовательно, выступает женщина в былинах или девушка в песнях, что нельзя не признать традиционным атрибутом героини. Подтверждение давней традиционности атрибута без труда можно найти в южнославянских эпических песнях, где вещей сон о приближении или о нашествии врагов видит вила, женское мифическое существо, и рассказывает о нем тому герою, которому она покровительствует⁹ [Смирнов 1989, 202—203, № 2; 216].

⁹ Ср. более усложненную боснийскую форму: [Караджич 1987, 344—345].

Между тем в воймозерском тексте вещей сон видит муж героини. Он сам разгадывает сон, заранее узнает о грядущем похищении Марьи Юрьевны и рассказывает ей об этом — алогизм очевиден. Когда в поморской версии Марья Юрьевна видит сон и рассказывает о нем князю Роману, это выглядит естественным и логичным, поскольку после рассказа жены говорится о пренебрежительном неверии мужа и о его уходе на охоту. Отлучкой князя Романа тут предопределены дальнейшие ходы повествования. Оставляя князя дома, создатели эпической песни должны были бы сложить иной сюжет, посвященный уже борьбе князя с нападшими врагами, — и, может быть, подобный сюжет когда-то существовал у русских: песни с подобными сюжетами и в разных версиях во множестве бытовали среди южных славян. Однако создатели былины предпочли выстроить повествование, где настоящий защитник оказывается в отлучке, отчего первая роль всецело отдается его жене. Помимо поморской версии отлучкой мужа предопределено похищение Марьи Юрьевны и в мезенской записи Григорьева, по ряду деталей самой близкой к воймозерскому тексту. В двух случаях похищение происходит не из-за отлучки, а из-за отсутствия мужа на месте похищения: в поздней, второй мезенской записи Марью Гурьевну похищают «в зеленых садах», в полевском тексте — у Дунай-реки «в зеленых лугах», — так и в этих, эволюционно поздних, текстах мужу героини не позволено выступить в роли ее защитника.

В воймозерском тексте за рассказом мужа было бы естественно ожидать какой-то ответ Марьи Юрьевны, отлучку мужа или уход Марьи Юрьевны куда-то на прогулку, появление похитителей, возможную попытку Марьи Юрьевны спрятаться от похитителей (как в поморской версии) и увоз ее. Ничего этого нет. Напрашивается вывод о том, что воймозерка допустила значительный пропуск. Возможно также, что сказительница усваивала текст со стяженной частью в этом месте и вовсе пренебрегла ею при передаче текста на запись. Как бы там ни было, но пропуск в тексте очевиден.

В поморской версии увоз Марьи Юрьевны совершается морем, на кораб-

ле, что вполне естественно для поморов и подтверждается множеством балладных и иных песенных форм об увозе девушки (женщины) водою, на корабле, на некоем судне или в лодке [Смирнов 1988, №№ 101—115]. Подтверждения этому имеются и среди былин, в виде параллельных форм типа «Соловей Будимирович», «Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Царь Солóман». В отличие от этих былин и от песенных форм в поморской версии былины «Князь Роман и Марья Юрьевна» дальнейшим развитием сюжета допущено благополучное бегство героини по суше, отчего заметна некоторая «несостыкованность» между увозом героини по морю и ее бегством из чужой земли по суше. В иных версиях былины «Князь Роман и Марья Юрьевна», включая воймозерскую, мотив увоза морем или вообще водою отсутствует. В них без каких-либо подробностей очень кратко сообщается слушателям о том, что похитители неожиданно хватают Марью Юрьевну и увозят ее в свою сторону. В воймозерском тексте нет и этого, явно из-за допущенного пропуска.

Сразу вслед за пропуском там речь предоставлена царице Кайдале Бурлыковне. Ей принадлежит роль матери похитителя. Правда, в воймозерском тексте она прямо не названа матерью. Подтверждение ее роли находится в обеих мезенских записях, где она, однако, названа иначе — Орудой/Орукой Бородуковной. В устной передаче, на слух всегда и неизбежно возникали искажения имен. Восстановить первоначальное звучание имен, как в данном случае, зачастую невозможно. Имя матери похитителя, наверное, навсегда останется неразгаданным, поскольку остаются неизвестными имена жен даже чингизидов, составлявших правящую верхушку Большой или Золотой Орды.

Зато опознается имя похитителя Марьи Юрьевны. В воймозерской записи — это Вовзьяк царь Ятобуркович, в мезенских текстах он — Возьяк Котобрульевич или Гвоздяк Крутогорович. Искажение имени и отчества очевидны, однако достаточно вспомнить, что в исторической песне о Щелкане Дудентьевиче царь Большой Орды назван Азьяком Тавруловичем [Кириша Данилов 2000, № 4], как эти, переименован-

ные устной передачей в былинах имя и отчество персонажа станут доступными для уразумения: Азьяк Таврулович → Возьяк-то Товрульевич → Возьяк Котобрульевич → Вовзьяк Ятобуркович → Гвоздяк Крутогорович. У этого персонажа был свой исторический прототип в лице хана Большой Орды Узбека, сына Тогрула (1313—1341)¹⁰. В качестве исторической реалии имя Узбека вполне уместно в песне о Щелкане, чего нельзя сказать о воймозерской и мезенских версиях былины «Князь Роман и Марья Юрьевна». В иных версиях этой былины предлагается другое имя похитителя или правителя, для которого похищают Марью Юрьевну: на Карельском берегу это — Мануил сын Ягайлович, Манойла Ахматович или Батыш Батурьевич, на Зимнем берегу — царище Грубиянище, в Архангельске — Бориско сын Заморенин, в Полевском Заводе — «злы татарева, литва поганая», без какого-либо упоминания их предводителя. Свободный выбор имени похитителя очевиден. То же самое происходило и с привлечением в текст имени Узбека/Вовзьяка. Поскольку это имя известно по версиям Воймозера и Мезени, бытовавшим независимо друг от друга, то можно твердо полагать, что оно было включено в исходную версию, которую унесли в эти места и принялись изменять по ходу независимого бытования былины. Носителям исходной для Воймозера и Мезени версии, несомненно, очень хотелось показать значимость похищения Марьи Юрьевны. Они не знали, да и не хотели знать, мог ли исторический прототип по своему положению заниматься похищением чьей-либо жены, живущей невесть где на Руси, — ни в одном из вариантов былины место обитания князя Романа и Марьи Юрьевны не называется. Носители исходной для Воймозера и Мезени версии просто слышали какую-то эпическую песню, где одним из персонажей выступал Азьяк Таврулович, как в песне о Щелкане, или в близкой по звучанию огласовке в каком-то другом произведении, быть может, и из числа не дошедших до нас. Слушая, они оценили громкость имени, позаимствовали его и нарекли им похитителя. В песне о

¹⁰ Некоторые сведения о нем см.: [Султанов 2007, 228—230; 239—240].

Щелкане имя Азьяка Тавруловича имеет силу исторической реалии и служит одним из бесспорных доказательств сложения текста именно в XIV в. как немедленного отклика на подлинное событие. В былине же «Князь Роман и Марья Юрьевна», по версиям Воймозера и Мезени, имя Вовзяка/Возьяка утратило значение исторической реалии. Оно стало уже псевдоисторической или, иначе говоря, эпической реалией. В нашей фольклористике различение исторических и эпических реалий и поныне не превратилось в неременный элемент анализа эпических песен.

Даже невзирая на пропуск в тексте, по одной речи матери похитителя ясно, что Вовзяк представил ей добытую Марью Юрьевну. Кайдала Бурлыковна бегло признает: «Далеко ты ездил...» (ст. 18). Вспомнив при этом иносказательное описание похитителей в вешем сне мужа Марьи Юрьевны, нужно, видимо, согласиться с тем, что в такой подаче под старым орлищем подразумевался сам Вовзяк, а под тремя орленками — какие-то люди, сопровождавшие его. В этом ощущается откровенная несогласованность частей повествования. Очевидно, они вставлялись в разное время бытования и остались «неподогнанными» одна к другой. Трудно себе представить царя Вовзяка пожилым мужчиной, пустившимся в далекий набег ради некоей замужней женщины, однако воймозерская версия былины понуждает слушателей верить в это.

Разглядывая пленницу, Кайдала Бурлыковна оценивает ее сугубо порусски (ст. 19—22): создатели воймозерской версии, безусловно, не знали, в каких красках в «неверной земле» традиционно описывали женские достоинства, и заставили ее воспроизвести описание, которое в виде типического места непрерывно переходило из одной былины в другую, когда требовалось представить идеальные качества девушки (женщины).

Незнанием обычаев «неверной земли» объясняется и повеление Кайдалы без промедления обвенчать Марью Юрьевну с Вовзяком в церкви (ст. 23—24).

В ответ Марья Юрьевна решительно отказывается идти в церковь и сообщает о заповедях, какие они с мужем

наложили друг на друга (ст. 26—31). В других версиях былины об этих заповедях ничего не говорится. Ближайшая параллель к ним на все лады повторяется в многочисленных вариантах былины «Добрыня и Алеша»¹¹, поэтому можно полагать, что здесь сказалось ее влияние на былину о Марье Юрьевне. Этому перенесению из былины «Добрыня и Алеша», наверное, предшествовали иные речи Марьи Юрьевны, наподобие тех, какие прозвучали в мезенской записи Григорьева. Там Марья Юрьевна, взывая к рассудительности, вопрошает Возьяка: греет ли у вас два солнышка, светит ли два месяца, есть ли у одной жены два мужа? Затем она предлагает Возьяку отправиться на ее родину и погубить ее мужа, после чего она сможет стать ему «молодой женой».

Наряду с этим упоминание о трех годах в речи Марьи Юрьевны, по-видимому, не относится к произвольной придумке последних исполнителей текстов. Ведь далее неявно царица Кайдала внимает словам пленницы, заперев ее в горнице и не докучая ей именно три года (ст. 35—37). Сама Марья Юрьевна тоже выдерживает этот срок и лишь по его истечении замышляет побег, что, впрочем, опять же явственно не выражено. В этом отношении четкое обоснование отсрочки принудительного брака прозвучало только в первой записи С. В. Максимова, где Марья Юрьевна говорит Мануилу: «У нас до трех годов не целуются, не обнимаются» [Якушкин 1884, 520]. Это переключка с воймозерской версией в совпадении трехлетнего срока побуждает думать, что о нем говорилось и в изначальном тексте былины.

К сожалению, воймозерка или еще ее предшественники не понимали некоторых услышанных словесных оборотов. Так, в тексте появились «осенные девушки» (ст. 40, 47, 52), ибо что такое «сенные девушки», т. е. служанки, находящиеся на сених господского дома, им было непонятно. Как носители понимали эпитет «осенны», должен был выяснить записыватель, но он не проявил хотя бы простого любопытства.

¹¹ Подборку текстов, где по-разному варьируется наказ Добрыни, затем упорно повторяемый его женой см.: [Добрыня и Алеша 1974, 229—313, №№ 58—84].

Сказанное касается и выражения «красно-медно золото» (ст. 45, 50, 54). Ясно, что речь идет о каких-то украшениях, но говорится ли о них всерьез (золото цвета красной меди, т. е. очень чистое) или иронически (ср.: «самоварное золото»), остается гадательным. Устойчивое словосочетание «красное золото» обычно в русском фольклоре. «Красное золото» в эпических песнях приравнивается к деньгам, хотя далеко не всегда и прямо деньгами называется. Его измеряют не рублями или червонцами, а чашами/мисами, порой даже бочками или ордынскими телегами, которые, наполнив красным золотом, преподносят или берут. Включение в устойчивое словосочетание эпитета «медное» нужно отнести к разряду местных домыслов.

При всей обрывочности в воймозерском тексте все же довольно последовательно передано, как Марья Юрьевна задумала и осуществила побег. В нем говорится о том, что Марья Юрьевна сумела добиться прогулки в зеленых садах, — и это подтверждается мезенскими и полевской записями. Гуляючи, пленница изображает так, будто она нечаянно потеряла «красное медное золото» (ст. 49—50), — пустившись искать золото, служанки оставили Марью Юрьевну без присмотра, чем она и воспользовалась. В мезенских записях Марья Юрьевна рассыпала жемчуг («перлышка жемчужные», «прядочки жемчужные»), настолько чудесный, что служанки, собиравшие его, слепнут одна за другой. Согласно полным вариантам поморской версии Марья Юрьевна поит служанок допьяна. Различия в изображении обстоятельств побега обусловлены тем, что знатоки былины придумывали эти обстоятельства в разных местах по-своему.

Возвращение пленницы на родину поначалу описывается очень скупо (ст. 57—58) и в этом отношении резко отличается от мезенской записи Григорьева, где на удивление четко и логично рассказывается, какие преграды и как преодолевала Марья Юрьевна на обратном пути. Там беглянка последовательно просит леса дремучие, горы высокие и Бузынь-реку пропустить ее. В ответ преграды одна за другой это делают, признавая в одинаковых выражениях,

что Марья Юрьевна «стояла за закон Божий», осталась верной своему супружеству: «Не строила ты з главы да златых венцей» [Григорьев 2003, 601—603, № 421]. Пройдя очередную преграду, Марья Юрьевна предусмотрительно просит ее «задвинуться», чтобы вслед погоней не прошел Возьяк. Из благодарности беглянка оставляет лесам златую шапочку, горам — платьице, Бузынь-реке — рубашечку бумажную и, нагая, продолжает свой путь.

Эта часть повествования мезенской записи Григорьева подверглась сильному стяжению спустя почти шестьдесят лет во второй мезенской записи, тем не менее, и сохранившихся в этой последней элементов повествования достаточно для того, чтобы увидеть в ней подтверждение записи Григорьева. Элементы этой части повествования обнаруживаются и в воймозерском тексте.

В нем героиня подходит к реке Бузынецьке (ст. 59). Совпадение с фигурирующей в мезенских записях Бузынь-рекой, несомненно, укрепляет уверенность в былом существовании для Воймозера и Мезени исходной версии. В связи с чем это название попало в былину, узнать, конечно же, невозможно, да и отыскать схожее название подлинной реки оказывается занятием трудоемким. Не исключая впредь отыскание каких-то других сходных гидронимов, приходится ограничиться одним названием: Бузаном и теперь называется одна из восточных протоков в дельте Волги. В 1869 г. путешественник и собиратель П. И. Якушкин побывал там, на острове-городе Красный Яр, служившем местом ссылки для провинившихся людей [Якушкин 1884, 436—437 и след.].

Очевидно, что нужно было, по меньшей мере, наслушаться рассказов о Бузане, если не побывать там, прежде чем по какому-то соображению включить его название в былину. Упоминание Бузыни-реки можно принять за след, оставленный носителями исходной для Воймозера и Мезени версии: они, наверное, жили где-то на Волге, прежде чем попали на Русский Север.

Приведя Марью Юрьевну к Бузынецьке, воймозерка запнула ее и сделала очередной пропуск. Судя по мезенской записи Григорьева, исполнительница

должна была после ст. 59 поведать о том, как беглянка обратилась с просьбой к реке, а та немедленно откликнулась, и Марья Юрьевна благополучно перешла ее вброд. От всего эпизода встречи героини с рекой воймозерка сохранила только еще одну просьбу Марьи Юрьевны о том, чтобы река впредь текла «по-старому». Просьба передана скупой, невнятно (ст. 63—64) и с недоговоренностью, и ее можно понять лишь при сличении с соответствующей частью мезенской записи Григорьева. Река должна была находиться в ином состоянии, она должна была обмелеть, внемля первой просьбе беглянки, и только после перехода последней требовалось просить реку течь «по-старому».

Воймозерка оставила Марью Юрьевну у Бузынецьки и допустила, чтобы именно там, на воде, она увидела спасительную колодинку. В этом выразилось стремление уменьшить число мест действия. Предел в этом стремлении виден в полевском тексте, где и похищение Марьи Юрьевны, и ее прогулка перед побегом, и плавающая по водам колода прикреплены лишь к одному месту действия — к Дунай-реке. В мезенских текстах очередной преградой для Марьи Юрьевны встает синее море, на котором она и видит колодинку. В самой ранней записи на Карельском берегу преградой оказывается «больше того река», в других записях, там же и на Зимнем берегу, мотив преград отсутствует.

В тех текстах, где она появляется, колодинка превращена в действующий персонаж, безмолвный и послушный. Из текстов поморской версии эпизод с колодой имеется только в полном варианте, записанном Максимовым [Якушкин 1884, 521]. Там колода награждена приличествующим эпитетом «белодубовая». Тем же эпитетом в былинах нередко сопровождаются упоминания о столах и скамьях в покоях князя Владимира или какого-нибудь другого почтенного персонажа. Идеализация предметов наглядна, как бы ни поворачивалась логика суждения: столы и скамьи могут быть только белодубовыми, поэтому они идеальны, или, наоборот, они идеальны, потому что могут быть только белодубовыми. Очевидно перенесение эпитета и прикрепление его к ко-

лоде, увиденной Марьей Юрьевной, — таким образом совершилась идеализация колоды. Марья Юрьевна просит колоду перевезти ее на другой берег реки, обещая «вырезать» ее на мелкие кресты, на чудные образы и вызолотить. Колода внемлет просьбе, перевозит Марью Юрьевну, а та исполняет свое обещание — колоду вывозят на святую Русь, где ее «вырезали», «вызолотили» и разослали по церквям.

Иным эпитетом идеализируется колода в полевской записи. Там она названа «кипарисовой». Те, кто присвоил этот эпитет колоде и утвердился в таком мнении, наверное, знали, что в далеких южных краях кипарис служил материалом для изготовления икон и крестов или, иначе говоря, был идеальным и едва ли не столь же священным, сколь сами эти предметы. Зная об этом, они откровенно идеализировали и колоду. Они же через речь Марьи Юрьевны обрисовали такое будущее колоды, какое им мнилось славным: упрашивая колоду перевезти ее «в землю русскую», Марья Юрьевна заверяет, что там колоду встретят попы и дьяконы с крестом и с иконами:

*А расколят же колодушку тонешенько,
А изрубят же колодушку мелькошенько,
65 Твои шшепочки сожгут да вместо
ладону*

[Былины 1908, 224, № 79].

Этим возвещанием будущего колоды и заканчивается полевская запись, что, впрочем, не слишком затрудняло слушателей самим домысливать, как колода послушно отозвалась на просьбу беглянки, приняла участие в ее счастливом возвращении, после чего отдала себя на сожжение «вместо ладану».

В мезенских записях колода не идеализируется с помощью высокого эпитета. Напротив, в записи Григорьева она названа «гнилой», что отнюдь не помешало ей сыграть все ту же роль чудесной помощницы, а во второй мезенской записи даже произнести те же слова, какие ранее произносили леса, горы и Бузынь-река, превознося стойкость Марьи Юрьевны и ее верность супружеству.

Безмолвной и послушной колодинке уделено внимание и в воймозерском

тексте (ст. 65—74). Тут она названа «липовой». И этот эпитет, по-видимому, следует считать идеализирующим, если связывать эпитет с тем фактом, что на Руси липовые доски использовали для изготовления икон. На нижней Онеге липа не росла. Воймозерка, сказавшая текст, наверное, не видела липу и потому сама не могла придумать этот эпитет. Она упорно произносила эпитет с ударением на втором слоге (ст. 66, 68, 72). Так эпитет, наверное, произносился при пении, подчиняясь стиховому размеру, сильно сбитому у воймозерки. Она слышала пение, в ходе которого эпитет неизменно повторялся с ударением на втором слоге, и честно воспроизвела произношение, не ведая значения слова.

Участие колоды в качестве действующего персонажа отмечено записями на Карельском берегу, Воймозере, Мезени и Урале. Отсюда следует твердо заключить, что мотив колоды как чудесной помощницы беглянки принадлежал изначальному тексту былины, впоследствии расщепившемуся на разные версии.

У воймозерки Марья Юрьевна, прежде чем ехать на колоде на свою сторону, «скиноват она платье неверное» (ст. 72) и остается нагой (ст. 80). Объяснения этому действию в тексте нет. Если допустить, что воймозерка усваивала текст без какого-либо объяснения, и поставить себя на место слушателей этой части текста, то объяснения будут подбираться разные: кто-то, например, свяжет это действие Марьи Юрьевны с ее желанием отвергнуть всё напоминающее о плене, а кто-то сочтет, что беглянка опасалась, как бы ее не приняли за «неверную», за чужую, и оттого избавилась от одежды. Столь четких объяснений в духе противопоставления чужого/иноэтничного своему не обнаруживается и в других текстах этой былины, где хоть как-то говорится, отчего беглянка пришла нагой на родную землю. В мезенских текстах, как уже упоминалось выше, Марья Юрьевна одаривала преграды частями своего наряда и оттого оказалась нагой. В первой записи Максимова на Карельском берегу Марья Юрьевна «надевала» платье цветное на лесиночку — и этому не дано объяснения. В одной из записей

Маркова на том же Карельском берегу Марья Юрьевна убила доброго коня и надела на него «цветное платье» — пустившийся вслед Манойла Ахматович принял было ряженого коня за беглянку [Смирнов 1976, № 8]. У Шергина Марья Юрьевна осталась без одежды потому, что «во лесах-то она три года скиталасе» [Озаровская 2000, 151—152]. А. М. Крюкова привела беглянку нагой на родину, но не сочла нужным поведать, каким образом та лишилась одежды [Марков 1901, 123, № 18]. Как видно, некоторые носители разных мест бытования былин твердо знали лишь то, что Марья Юрьевна нагой вернулась на родину, а объяснение этому предпочитали находить всяк свое. Пока не представляется возможным определить, какое из их толкований следовало бы принять за самое раннее, тем более изначальное, в эволюционном отношении.

Подобно множеству других русских фольклорных произведений на самые разные сюжеты, в былине «Князь Роман и Марья Юрьевна» река или море прямо показаны как рубеж, отделяющий чужую сторону от родной. То же понимание водного рубежа без труда обнаруживается и во многих инославянских фольклорных текстах. В мотиве водного рубежа, очевидно, отразился давний способ этнического или племенного размежевания, который применялся столь часто и столь долго, что неминуемо должен был включаться в качестве фольклорного мотива в тексты, так или иначе касающиеся отношения между своей и некоей чужой сторонами.

По воймозерской версии, Марья Юрьевна на родном берегу сразу видит некоего Михайлу Стекольникову, занятого охотой. Он вроде бы ей знаком (ср. ст. 75, 79), но в тексте это не раскрыто. Марья Юрьевна запрещает Михайле приближаться к ней и велит ему идти за ее мужем и «попом, отцом духовным» (ст. 79—84). После этого Михайло более не возникает в тексте. Он исполняет поручения, но об этом можно догадаться по краткой передаче последующего действия. Михайле Стекольникову оставлена роль безмолвного и послушного персонажа, каким ранее выступила колодинка «липовая».

Очень похожий на воймозерского Михайлу, но безымянный персонаж

обнаруживается в тексте Крюковой, певицы с Зимнего берега. У нее это — «полесничек» (охотник), «из простых-то родов», которого князь Роман послал настрелять дичи. Он беспрекословно снимает с себя «платье верхнее» и отдает Марье Юрьевне. Он рассказывает беглянке о том, что князь Роман готовится к свадьбе, и приводит Марью Юрьевну на свадебный пир, где и происходит ее узнавание князем. Благодарный за возвращение Марьи Юрьевны князь женит охотника на той невесте, которую он, было, выбрал для себя, и делает его «главным предводителем», чье положение, впрочем, певицей не раскрыто.

У архангелогородца Шергина тоже действует неожиданный помощник Марьи Юрьевны, причем, как и на Воймозере, он назван Михаилом. Тут он ранее выступал «переводчиком» (!) и был свидетелем похищения Марьи Юрьевны. Он затем появляется «на суденьшке маленьком» как раз тогда, когда Марья Юрьевна в отчаянии забрела в море, чтобы утопиться. Михаилу у Шергина отданы две роли, колодинки и охотника, порознь известные по другим версиям былины. Далее, вслед за Крюковой, Шергин использует сюжет «Муж на свадьбе своей жены», превратив его в антитезу «Жена на свадьбе своего мужа», где Михаилу отведена роль помощника Марьи Юрьевны, за что благодарный князь Роман «поставил себе» Михаила «в друга милого, во брата да во названного» [Озаровская 2000, 154].

На Карельском берегу былинку очень редко пропевали для записи так, чтобы повествование доводилось до своего благополучного завершения. Когда это происходило, то у исполнителей Марья Юрьевна без каких-либо осложнений возвращалась к князю Роману [Якушкин 1884, 519—521; Смирнов 1976, № 8]. В мезенских записях после переправы на колодинке Марью Юрьевну радостно встречает сам муж, занятый там охотой. Вот эта часть повествования, вероятнее всего, подверглась переделке какими-то носителями воймозерско-мезенской версии уже на Русском Севере. Не обязательно на самом Воймозере, скорее где-то на нижней Онеге кому-то из носителей могла показаться натяжкой сцена

мгновенной встречи Марьи Юрьевны с мужем после ее переправы или кому-то могла поместиться как нелепость охота князя в одиночку на пустынном берегу («не княжье это дело!»). Сомнения в правдоподобности сцены побудили к ее переделке. Был введен в действие слуга Михаил: это его князь послал на охоту, это он по случаю очутился на пустынном берегу реки/моря, где на него не вдруг набрела Марья Юрьевна или где он — опять же по случаю — вышел к ней. Для этой роли Михаилу достаточно было послушно исполнять просьбы или распоряжения Марьи Юрьевны. Такая канва повествования просматривается в воймозерском тексте, пусть и не вполне подробно и отчетливо, видимо, из-за качества записи, диктовки и, может быть, даже по причине нетвердого знания текста.

Обращаясь после воймозерского текста к былине А. М. Крюковой, приходится признать, что певица слышала не только поморскую версию, что сказалося на первой части ее былины, но и версию типа воймозерской. Она позаимствовала из воймозерской версии роль княжеского охотника: дважды один и тот же эпизод или сюжет с одним и тем же персонажем нельзя придумать. Но, способная на создание разных комбинаций, певица не удовольствовалась заимствованием. Она развила роль охотника, превратив его в деятельного помощника Марьи Юрьевны в добавленной антитезе «Жена на свадьбе своего мужа», где использовались элементы хорошо известной ей былины «Добрыня и Алеша».

Много лет спустя к созданию своего текста приступил Б. В. Шергин. Может быть, он тоже слышал версию типа воймозерской, отчего у него «переводчик» назван Михаилом, но не она послужила ему главным источником. Шергин несомненно читал текст Крюковой. Его выдает использование все той же антитезы «Жена на свадьбе своего мужа»: нельзя поверить, чтобы его счастливо осенила мысль придумать антитезу, не читая текста Крюковой. Но Шергин тоже был творцом. Используя разные источники, он выстраивал свои повествовательные комбинации, при этом он полагался на собственное понимание позаимствованных элементов, эпизодов

и целых сюжетов и на свое отнюдь не бедное воображение.

Создавая свои тексты, Крюкова и Шергин не всегда заботились о проработке каких-то деталей. Так у Крюковой охотник, отдав «платье верхнее» Марье Юрьевне, остается, наверное, в исподнем и продолжает в нем оставаться, не только сопровождая Марью Юрьевну в город, но и появившись на свадебном пиру, — саму же Марью Юрьевну певица явно оставила в «верхнем платье» охотника, ибо не поведала о чем-либо другом. У Шергина Марья Юрьевна, надев «платье верхнее» переводчика, остается в нем до конца повествования («По-муски-то кнегина да всё обряжена»), тогда как переводчик, очевидно, оставшись в исподнем, и забегает в торговый ряд за гусями, и сопровождает Марью Юрьевну на свадьбу князя Романа.

Несмотря на краткость изложения в воймозерском тексте соответствующая часть подана иначе, проще и по-своему вполне логично (ст. 75—87). Здесь мало сказано, многое подразумевается. Тут Марья Юрьевна не просит у Михаила его одежду — она предпочитает оставаться нагой в ожидании исполнения ее желаний. Посылая охотника со своими поручениями, Марья Юрьевна не может лишить его верхней одежды — такое понимание легко дается слушателям. Но его явно недостаточно, если принять во внимание слова Марьи Юрьевны: «Нахваталась духу неверного» (ст. 84). В этих ее словах (а, возможно, еще не всех, почему-либо не досказанных воймозеркой) звучит, как представляется, разгадка поведения Марьи Юрьевны.

По всей вероятности героиня считала себя оскверненной в «неверной земле», где она была вынуждена есть «неверную» пищу, носить «неверную» одежду, следовать обычаям и правилам чужой этнической среды. Перед переправой на родную сторону Марья Юрьевна сбросила «платье неверное», — видимо, потому, что чувствовала в нем себя чужеземкой и опасалась, что ее и примут «свой» за чужеземку. Но после переправы ощущение «оскверненности» оставалось. Поэтому Марья Юрьевна не смела ступить по родной земле. Из опасения осквернить собой когда-либо она остановилась. Ей нужно было

очиститься от «духу неверного», притом очиститься по-христиански. Для этого ей потребовался «поп, отец духовный». Присутствие мужа при очищении должно было убедить его в том, что Марья Юрьевна восстановлена в прежнем, по-христиански чистом, состоянии. Очищенная от скверны, Марья Юрьевна могла, наконец, надеть этнически свой наряд и предстать перед мужем желанной супругой.

Очищения Марьи Юрьевны по-христиански нет в других текстах былины, поэтому можно полагать, что оно придумано создателями именно воймозерской версии. В самом воймозерском тексте эпизод очищения лишь угадывается по нескольким скупым стихам. Воймозерка уже не понимала смысла требований Марьи Юрьевны (ст. 81—84) и их исполнения (ст. 85—87). Она истолковала требование привести «попа, отца духовного» как желание Марьи Юрьевны тут же на пустынном берегу обвенчать ее с князем, иначе исполнительница не позволила бы себе заключить текст словами «Была я на свадьбе...» (ст. 88—89). Судя по этим словам, воймозерка не знала или забыла о том, что Марья Юрьевна и князь с самого начала повествования считались женой и мужем. У воймозерки об этом прямо нигде не сказано в отличие от всех других вариантов былины.

Заключку воймозерка перенесла из какой-то сказки и тем самым, по-видимому, выразила свое отношение к тексту. Она уже не верила в подлинность, хотя бы и возможную, событий этой эпической песни и потому не отличала песню от сказки. Между тем утрата веры в то, что эпические события некогда происходили в действительности, непременно приводит к неотвратимому отмиранию эпоса в его естественном бытовании.

Воймозерская версия соотносится с мезенскими и с уральской. Вместе они образуют группу текстов, восходящих — скорее всего через какие-то промежуточные формы — к некоей общей исходной версии. Иную версию былины занесли на Карельский берег Белого моря, где она угнездилась и распространилась по нескольким деревням этого берега, отчего благодаря общению людей ее могли слышать и в

какой-то степени знать поморы других мест, в частности, Зимнего берега. Таким образом, можно полагать, что былину «Князь Роман и Марья Юрьевна» знали, по меньшей мере, в двух основных версиях, прежде чем ее унесли на Русский Север.

В статье путем сопоставления с другими записями показано место онежской версии былины «Князь Роман и Марья Юрьевна». Жизнь былины, или, иначе, ее история, не исчерпывается единственным фактом, пусть и несколько раскрытым в сопоставлениях. Другие версии былины также нуждаются во внимательном рассмотрении для того, чтобы определеннее выяснить, как они складывались, как изменялись с течением времени и — в некоторых случаях — испытывали влияние других фольклорных произведений.

Литература

Былины 1908 — Былины новой и недавней записи / под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.

Григорьев 2002 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.: в 3 т. / под ред. А. А. Горелова. Т. 1. Ч. 1: Поморье. СПб., 2002.

Григорьев 2003 — Архангельские былины и исторические песни. Т. 3. СПб., 2003.

Добрыня и Алеша 1974 — Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.

Калинин 1910 — *Калинин И. М.* О песнях Поонежья // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 24. С. 37—40.

Калинин 1911 — *Калинин И. М.* Онежане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 8/9. С. 659—675.

Калинин 1911а — *Калинин И. М.* Веяния времени в свадебных причитаниях невест Онежского у. // Архангельские губернские ведомости. 1911. № 89, 28 апреля.

Калинин 1911б — *Калинин И. М.* Онежские поверья // Олонекские губернские ведомости. 1911. № 127, 6 декабря.

Калинин 1913 — Отчет И. М. Калинина о поездке в Архангельскую губ. для исследования говоров, народного творчества и юридических обычаев // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности АН за 1913 г., составленный А. А. Котляревским. СПб., 1913. С. 31—32.

Калинин 1913а — *Калинин И.* Чудь и паны. Происхождение и современное значе-

ние этих слов // Живая старина. 1913. Вып. 1—2. С. 137—146.

Караджич 1987 — Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Караджича / сост., предисл. и прим. Ю. Смирнова. М., 1987.

Карельское Поморье 1971 — Русские народные песни Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова; под ред. Н. П. Колпаковой. Л., 1971.

Кирша Данилов 2000 — Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000. (Полное собрание русских былин. Т. 1).

Марков 1901 — Беломорские былины, записанные А. В. Марковым / предисл. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Мезень 1967 — Песенный фольклор Мезени / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.

Новиков 1999 — *Новиков А. В.* Лешуколье. История заселения Средней Мезени в XV—XIX веках. Архангельск, 1999.

Озаровская 2000 — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л., 1931. № 5. Переиздание: СПб., 2000. С. 146—154.

Смирнов 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.

Смирнов 1976 — *Смирнов Ю. И.* Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 115—134.

Смирнов 1988 — *Смирнов Ю. И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы. М., 1988.

Смирнов 1989 — *Смирнов Ю. И.* «Эрлангенская рукопись» и «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым» // Русско-сербские литературные связи XVIII — начало XIX в. М., 1989.

Смирнов, Шенталинская 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991.

Срезневский 1852—1856 — Былины или побывальщины, называемые также «старинами». Собраны в г. Онеге А. Верещагиным // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. Тетр. I—IV. Прибавления к «Известиям Академии наук» / Ред. И. И. Срезневский. СПб., 1852—1856. С. 353—382.

Султанов 2007 — *Султанов Т. И.* Чингизхан и чингизиды. Судьба и власть. М., 2007.

Якушкин 1884 — Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884.

Сокращения

ГЛМ — Государственный литературный музей, фольклорное собрание.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**БЫЛИНА ПРО КНЯЗЯ
МИХАЙЛА РОМАНОВИЦЯ
И ПРО КНЕГИНЮ МАРЬЮ ЮРЬЕВНУ**

- Был Михайло Романовиць
Да была Марья Юрьевна,
Они были друг по́ друга.
Михайло Романовиць говорит Марьи
Юрьевны:
- 5 — Не ходи, Марья Юрьевна,
в зелены́ сады гулѣти,
Не хорош-ет мне сон привиделсе:
С той со востосьней со стóроны
Накатаеще туман туця цѣрняя,
Из той ли из тѣмной туци
- 10 Вылетает старое орлишше
Со трема со орлѣнками,
Тебя брали, Марью Юрьевну за белы́
руки́,
Целовали в сахарни́ у́сты,
Понесли в свою землю неверную...
- 15 Там стрѣчает царица Кáйдала
Бурлы́ковна
Возговорила царица Кáйдала
Бурлы́ковна:
— Ой ты, Вовзя́к царь Ятобурковиць,
Далекó ты ездил да хорошу привез,
Станóм статна́ и лицом белá,
- 20 Брови цѣрны́е, о́ци ясны́е,
Оци ясны́, как у со́кола,
Брови цѣрны́, как у соболя.
Ведите ей ко Божьей цѣрквы,
Божьей матери да Богородици.
- 25 Возговорила кнегиня Марья Юрьевна:
— Не пойду ко Божьей цѣрквы,
(У) нас было с Михайлом
Романовицем
Все заповеди испо́ложены,
Все крепости испокрѣ́плены:
- 30 «Если ты преже умрѣшь, мне
взаму́ж нетти́,
А ежель ты преже умрѣшь,
мне не женище три годы́».
Россердилась царица Кáйдала
Бурлы́ковна
На кнегиню на Марью Юрьевну,
Посадила ей в светлу горницу
за решѣтки.
- 35 Год сидела — не стóснулась,
На другой — потоснулась,
А на трѣтей порасплакалась.
— Как у нас на святой Руси
Все нянюшки, все мамушки,
- 40 Все красны осенны девушки
Ходят да красуюцца да гуляют,
А я сижу в светлой горенке
За железными за решѣтоцкками.
Услыхала царица Кáйдала
Бурлы́ковна,
- 45 Наложила на ей красно-медно
золото,
Дала ей сорок мамушек, сорок
нянюшек,
Сорок красных осенных девушек...
И спустила в зеленым сады гулять.
Она ходила да гуляла, да со́брала:
- 50 — Я потеряла красно-медно золото.
Все мамушки, все нянюшки,
Все красные осенны девушки
Розбежались по цистому полю
Искать красное медное золото.
- 55 Оставалась она одинѣшенька
И здумала на свою родину идти.
Шла она путѣм-дорогою,
Низко-высо́ко, близко-далѣко,
Дошла она до рецьки Бузы́нецки...
- 60 Возговорила кнегиня Марья Юрьевна:
— Теки, рецька, по-старому,
Теки рецька по-прѣжнему,
Все камешки переборные,
Желты пески за струйками.
- 65 По той рецьки по Бузы́нецки
Несѣт колодинку липóвую.
Возговорила кнегиня Марья Юрьевна:
— Ты пристань, колодинка липóвая,
Ко крутому бережку, ко желтому
песоцьку
- 70 Переехать кнегини Марьи Юрьевны
На свою родимую сторону.
Скиноват она платьѣ неверное,
Садитце на колодинку липóвую,
Переехала на свою родимую сторону.
- 75 Там Михайло Стекольников
Стрелят гусей да лебедей,
Малых осенных утоцек.
Возговорила кнегиня Марья
Юрьевна:
— Ой ты, Михайло Стекольников,
- 80 Не ходи ты ко нагу́ телу,
Поди ты к Михайлу Романовицо,
Чтобы шѣл он да нѣс платьѣ цветное,
Привѣл попа, отца духовного, —
Нахвталась духу неверного.
- 85 Пришѣл Михайло Романовиць,
Принѣс платьѣ цветное,
Привѣл попа, отца духовного...
Была я на свадьбе, мед-пиво пи́лá,
По усам текло, в рот не попало.